Научная фантастика

КОЭФФИЦИЕНТ ИНТЕЛЛЕКТА

FANTASYRUSSIA

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На протяжении всей своей истории люди всегда творили миры, воплощая в полотнах, книгах, архитектуре частичку души. Теперь каждый может сотворить свой мир, войдя Внутрь через кабельный разъем на затылке…

- Полина Кормщикова
  - 1. Начало
  - 2. Пользователь
  - 3. Учитель
  - 4. Бессознание
  - 5. Врач
  - 6. Двое
  - 7. Смерть

Полина Кормщикова
Внутри

1. Начало

Герман открывает глаза. Мир вокруг — монохромный и плоский. Где-то вдалеке серое небо сливается с серой землей, и линия горизонта теряется в туманной дымке. Пространство вокруг и сам Герман — как персонажи немого черно-белого кинофильма. Ни звука, ни движения. Пустота.

Путаная мысль — неужели я такой и есть? Пустой, мертвый? Не может быть.

— Не может быть, — произносит Герман вслух. Губы привычно шевелятся, и в мире появляется звук. Знакомый, успокаивающий звук собственного голоса. Первое замешательство проходит. Губы расползаются в улыбке.

— Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог, — цитирует он по памяти.

Сейчас и здесь Бог — это Герман. Он один в этой пустоте, и пока что это место кажется безжизненным. Значит, надо заполнить пустоту звуками, цветом, движением. Но Герман не знает как. Не знает, с чего начать. Он делает шаг (в каком направлении? — здесь нет направления; пока еще нет), другой. Звук, движение. Нужен цвет.

Герман пристально смотрит на свою руку, на кончик указательного пальца. Наверное, должно быть так — на кончике пальца появляется пятно того безымянного цвета, который обычно имеет кожа белого человека. Потом пятно растет, распространяется по всему пальцу, по всей руке.

Он произносит это вслух. И пятно действительно появляется. Растет. Цвет охватывает все тело, делая его знакомым и привычным, родным: живым. Из солнечного сплетения поднимается физически ощутимая волна восторга: я могу. Раз могу это — значит, могу все.

— Надо сделать камень, — говорит Герман. — Пусть будет камень.

Он представляет себе большой камень неправильной формы. Он хочет разместить его перед собой. Сосредотачивается на этой мысли, создавая, приказывая возникнуть. И камень возникает — огромный, тяжелый, вещественный. Герман прикасается к нему ладонью, осязая правильную шероховатость. Кажется, он начинает понимать.

Нужно сделать еще что-нибудь. Нужно сделать… дерево. Да, пусть будет дерево. Герман концентрирует внимание на месте возле камня, тянется туда мыслью — это дается тяжелее, чем камень, — и из-под земли появляется росточек.

— Пусть дерево растет, — говорит Герман.

Росток на глазах становится выше, распрямляется, из ствола выступают ветки, из веток — хвоинки (это выглядит как компьютерная графика нового образца), и через пару временных отрезков Герман создает кедр в три человеческих роста высотой. Он старается вытянуть его выше и толще, сделать подобным калифорнийскому Гипериону, но не может. Его дерево не хочет становиться выше, и Герман оставляет попытки.

Он присматривается к Первому Дереву внимательнее. Он определенно видел такое же раньше, в детстве, за оградой родительского загородного дома. Тот кедр ничем не отличался от тысяч таких же и при этом для Германа был особенным — старым другом, с которым семилетний мальчик мог поделиться радостями и огорчениями, на ветках которого мог построить шалаш и прятаться там от взглядов посторонних, воображая себя отважным индейцем или капитаном Немо в рубке «Наутилуса». Тот кедр был невысоким — как раз примерно три человеческих роста. Помнится, в лесу рядом с домом жила белка: почти ручная, она брала орехи из рук маленького Германа и иногда позволяла себя гладить.

— Белка, — говорит Герман. Улыбается широко, радостно, настоящее.

— Герман, — говорит белка и улыбается еще шире.

— Чего? — говорит Герман.

Белка ничего не отвечает. Она застывает на ветке рыже-коричневым изваянием, и только легкий ветерок шевелит шерстку.

Ветер?

В ноздри проникает запах: знакомый, легкий, едва уловимый. Так пах дед, провозившись весь день в гараже.

Герман пристально смотрит на белку. Выдыхает:

— Показалось.

Всматривается в глаза зверька — нет, у деда был другой взгляд.

Он позволяет себе перевести дух. Белка по-прежнему не шевелится. Она не живая: чучело. Стиснув зубы, Герман представляет, как белка бежит по ветке, скачет по стволу вверх, теряясь в кроне кедра.

— Беги, — говорит он.

И белка начинает двигаться. Белка делает все, что Герман хочет. Белка прыгает. Белка рыжей стрелой взлетает на верхушку дерева и теряется среди веток. Герман высматривает шишки. Белка голодна. Герман замечает одну-единственную шишку на самом кончике кедровой лапы. Но его чутье, чутье белки, говорит,

что еды в ней нет.

Белка — Герман? — спускается по стволу, садится на земле на задние лапки, оглядывается. Белка — Герман? — разочарована. Она недовольно дергает носом.

Герман моргает. С укоризной смотрит на белку — та замерла. Снова застыла неживым чучелом. На мгновение ему даже хочется распороть ей брюхо и посмотреть, есть ли что внутри. Белка переворачивается на спинку, ее животик расстегивается, как молния на куртке. Внутри — вата. Тонкими нитями тумана она поднимается над грязноватой шкуркой и стелется по земле. Клубящаяся белизна обволакивает щиколотки Германа. Туман заполняет собой всё.

Под ногами хлюпает, кроссовки промокли насквозь. Пахнет мокрой травой. Промозглый туман оседает на волосах, проникает под одежду. Маленький Герман трет руками глаза, размазывая по лицу слезы.

— Деда! — зовет Герман, но туман поглощает звук его голоса.

Замирает.

— Деда, — говорит он уже тише, испугавшись, что Тот, Который Ходит в Тумане, его услышит. Он совсем рядом, ищет его.

Герман знает, что нужно идти и звать — иначе дед не найдет его. Но у Того, Который Ходит в Тумане, отличный слух, он может слышать хлюпанье шагов и даже дыхание. И Герман старается дышать как можно тише, слезы беззвучно текут по лицу и срываются с подбородка. Он стоит на месте, и не может заставить себя сделать ни шагу, и мысленно зовет деда, и боится, что на звук его мыслей придет не дед.

* * *

Герман резко открывает глаза. Несколько раз моргает, облизывает пересохшие губы, глубоко вздыхает. На уровне глаз светится голограмма с надписью:

> «!Danger! Уровень адреналина достиг критической отметки. Сеанс закончен. Вы можете возобновить сеанс через некоторое время».

Герман вытягивает кабель из разъема на затылке. Идет на кухню сварить себе кофе, по пути включая свет во всех комнатах. Руки трясутся, и он несколько раз роняет упаковку, просыпая кофе на стол. Хочется курить, хотя уже лет пять как бросил.

Наконец кофе готов, Герман пьет горячий крепкий напиток мелкими глотками и старается дышать глубже — где-то слышал, что это помогает. Он пытается понять, что произошло и почему все было именно так, а не иначе. Но мысли путаются, и он никак не может сосредоточиться. Он решает, что нужно просто лечь спать.

Герман засыпает, как только голова касается подушки. Ему ничего не снится в эту ночь.

Утром, по пути на работу, он думает о зеленом кедре посреди монохромного поля.

2. Пользователь

Высоко в ярко-синем небе горит желтая лампа солнца. Устремляются вверх монолиты небоскребов из сверкающего стеклопластика. Феликс стоит на улице огромного мегаполиса. На стенах, окнах, дверях, тротуарах кружатся хороводы рекламных роликов. Внутри можно получить все — от экзотического напитка до интимных услуг на любой вкус. Почти бесплатно.

Сегодня Феликс хочет к людям. Хочет болтать с красивыми девушками, пить текилу или ром и закусывать лаймом, хочет танцевать под ритмичные звуки миксов модных диджеев. Свое физическое тело Феликс оставил в кровати отсыпаться после напряженного дня. Умники-ученые, правда, утверждают, что так делать опасно — отдыхает только тело, разум же продолжает бодрствовать. Говорят, были случаи, когда человек становился шизофреником, но Феликс в это не верит. Шесть ночей в неделю он ходит Внутрь, одну ночь спит и при этом прекрасно себя чувствует.

Феликс желает, и перед ним появляется ростовое зеркало. В нем отражается то его тело, которое осталось вовне, — невысокое, щупленькое, с жиденькими волосами мышиного цвета. Феликс морщится — ему никак не удается научиться менять тело сразу, в момент перехода. Хорошо хоть, что не забыл.

Он делает себя выше сантиметров на пятнадцать, осветляет волосы, блеклые глаза наливаются голубизной. Девушки таких любят. Феликс сам любит себя таким, он уверен, что настоящий он — здесь и сейчас, а не вовне. Улыбнувшись себе белоснежной улыбкой кинозвезды, Феликс желает оказаться среди людей.

Небо черно и усыпано звездами, которые время от времени срываются со своего места, несутся вниз и останавливаются почти над головами собравшихся людей, рассыпаясь яркими фейерверками и собираясь затем в слово «Baccardy».

Людей здесь сотни. Все молодые, красивые, подтянутые. Все выглядят беззаботными и счастливыми. Свои тревоги они оставили вовне, а сюда пришли жить. Они смеются, танцуют, пьют коктейли из высоких бокалов. Воздух пронизан музыкой, она громкая, но не мешает говорить.

Феликс такой же, как они все. Он ощущает себя частью чего-то огромного и значимого, он смеется и танцует со всеми. Он желает себе рюмку текилы, выпивает ее, закусывает соленым лаймом. Он протанцовывает сквозь толпу к понравившейся высокой блондинке. Она улыбается ему, подмигивает —

красавица с загорелой кожей и талией настолько тонкой, что Феликс может обхватить ее ладонями. Они танцуют рядом, почти касаясь друг друга телами, смеясь и ничего не говоря.

Когда Феликсу надоедает танцевать, он тянет девушку за руку, они делают несколько шагов и оказываются на берегу моря. Шумят волны, дует соленый ветер. В этом месте наступает рассвет. Вокруг никого.

Девушка улыбается. Маленькое клубное платье на ней сменяется цветастым саронгом, ноги босы — туфли исчезли. Они идут вдоль полосы прибоя, держась за руки.

— Я Феликс.

— А я Лидия.

Какое-то время они молчат. Феликс отчаянно прикидывает, как завязать разговор. Наконец:

— Прекрасный рассвет, правда?

— Ага, дизайнеры постарались. Но могли и получше сделать.

— Дизайнеры?

— Ну да. Должен же кто-то это делать — придумывать, создавать. Поддерживать. Этим люди занимаются. Это работа.

— Наверняка это очень интересно, — мямлит Феликс.

Лидия поворачивается к нему. В глазах пляшут чертики.

— Только поначалу. А потом становится рядовой работой. Рутиной.

— М-м-м, — отвечает Феликс.

Разговор не клеится. Феликсу становится неуютно, он уже жалеет, что ушел с вечеринки. Не знает, как вести себя с Лидией. Чтобы как-то поддержать разговор, спрашивает:

— А ты откуда знаешь?

— У меня был некоторый опыт. Но не слишком удачный. В общем, проект закрыли. А ты разве никогда не пробовал?

— Ну… нет вообще-то. То есть я, конечно, где-то слышал об этом…

— Пользователь, значит…

— Что?

— Да нет, ничего. Неужели тебе никогда не было интересно?

— Ну, было… слегка.

— Ясно. Скажи, это твоя настоящая внешность?

Вопрос, прямо скажем, бестактный.

— Что? А, ну да, конечно.

— Ладно, Феликс. Приятно было познакомиться. Мне пора.

Лидия делает несколько шагов в море и исчезает — наверное, переносится куда-то еще. Черт, Феликс опять все испортил. Настроение на нуле. Глубокий вдох. Выход.

Феликс открывает глаза в своей постели. Вытаскивает кабель

из разъема на затылке. Чувство обиды не покидает его, даже когда он проваливается в сон.

Следующим вечером он снова подключает кабель. Но идет в этот раз не в чужие миры. Он оказывается в пустыне своего собственного сознания. Он хочет понять, о чем говорила Лидия. Он очень хочет хотя бы начать.

3. Учитель

На протяжении всей своей истории люди всегда творили миры, воплощая в полотнах, книгах, архитектуре частичку души. Некоторые создавали империи — правда, для этого вида творчества часто было необходимо разрушить созданное другими.

Впрочем, есть и такие, кто никогда не пытался. По мнению Ивана Варфоломеевича, творец в них спит, и для пробуждения ему требуется только толчок. Есть те, кому этот толчок дает сама жизнь, а есть и те, кого могут подтолкнуть другие люди…

В черной космической пустоте мерцают далекие звезды. Ближайшая — красный карлик, копия Солнца в представлении Марка. Вокруг звезды по орбитам вращаются четыре планеты, которые Марк уже успел сотворить. Возможно, рано или поздно он сможет сделать их обитаемыми, но это высший пилотаж, до которого Марку еще очень далеко.

Это необычный выбор — космос в качестве собственного мира. Согласно богатому опыту Ивана Варфоломеевича, такой выбор делали единицы — слишком сложно, слишком масштабно, слишком чуждо для неподготовленного человеческого разума. Горы, равнины, моря — знакомое, уютное и земное — творят часто, здесь не нужно ничего домысливать, это легко. Марк замахнулся на большее. И, надо признать, получается у него довольно неплохо. Особенно для второго сеанса.

В первый сеанс он создал этот космос, звезды вдалеке, причем космос получился не сферой, а чем-то аморфным, растягивающимся почти до бесконечности (опять же, в представлении Марка) в любом направлении.

Солнце и планеты он создал только что.

Это удивительно — видеть хрупкое человеческое тело там, где должна находиться пятая планета. По-видимому, о присутствии Ивана Варфоломеевича Марк начисто забыл. Это хорошо, пусть творит свободно, не оглядываясь на приглашенного наставника.

Судя по всему, Марк в эйфории. Кажется, он смеется. Иван Варфоломеевич фокусирует внимание на Марке — и правда, смеется. Его видимое тело постепенно растворяется — решил научиться обходиться без него? Что ж, похвально.

Тело Марка окончательно теряет четкость и начинает расти. На глазах оно утрачивает человеческие очертания, раздувается, становится больше и явно стремится принять форму шара. Через некоторое время размеры шара уже в несколько раз превышают размеры всех четырех планет вместе взятых. Шар окружен слоем

плотных белых облаков.

Среди учеников Ивана Варфоломеевича еще ни один не пытался сделать себя планетой. Марк уникален в своем стремлении познать непознаваемое. Но планета-гигант, которой сделал себя Марк, не вращается вокруг своей оси. Новое тело ученика будто парализовано, обездвижено, оно может сейчас нестись только по созданной ранее Марком орбите.

Учитель чувствует панику юноши, острую потребность сделать хоть что-то. Марк пытается заставить двигаться хотя бы облака. Разумом он понимает, что поверхность планеты должна быть не такой — не безжизненным камнем, окутанным слоями эфира. Он явно зашел в тупик. Иван Варфоломеевич осторожно прикасается своим сознанием к облакам, уплотняет их, создавая атмосферу, нагревает ее слои до различной температуры. Потоки поднимаются к поверхности, образуя широкие красные и белые полосы.

Марк понимает сразу. Понимает и чувствует свое новое тело. Начинают дуть аммиачные ветры, бушуют ураганы размером с Землю, внутри которых сверкают молнии, на полюсах — полярные сияния. К Марку возвращается эйфория, которая в некоторой степени передается и учителю — мало кто из людей испытывал такое. Иван Варфоломеевич чувствует, как трансформируется сознание Марка, как он перестает быть всего лишь человеком.

Сознание Марка перемещается в один из ураганов, и ураган этот становится его телом. Учитель ощущает, как его ученик исследует это тело, как проникает в самую суть элементов, из которых оно состоит. Видит, как ураган перемещается по поверхности планеты — это Марк постигает новые возможности. Потом телом Марка становится поток аммиачного ветра в урагане. Потом — молекула аммиака.

Иван Варфоломеевич, учитель с многолетним стажем, понимает, что творится с его учеником: нечто подобное происходило когда-то и с ним. Он знает, что в сознание Марка поступают сейчас терабайты информации, которую его подсознание знало всегда. Информация проносится через него с умопомрачительной — в буквальном смысле — скоростью, и Марк сейчас знает о фактическом устройстве планетарных систем, планет, процессов, молекул больше любого ученого. Ошибка его в том, что он пытается осознать.

Марк заканчивает исследование молекулы и перемещается в атом. Учителю страшно — так он может стать бесконечно малой величиной, уйти насовсем, и потеряться, и не найти выхода. Мальчик не хочет просто принимать, он хочет постичь. О, он

постигнет, бесспорно, да только в физическом мире от умного, талантливого человека останется только белковая оболочка, та самая, которая сейчас лежит на кушетке с закрытыми глазами, со вставленным в затылок кабелем. Из жалости эту оболочку будут кормить, впрыскивая в кровь питательный раствор, и она проживет положенное время, а потом умрет. Марк при этом, возможно, будет счастлив, исследуя собственное безграничное Я и все бесчисленное знание, которое ему откроется. А возможно, нет.

Когда-то Иван Варфоломеевич не пошел по этому пути — у него хватило выдержки остановиться. У Марка не хватит. Учитель мог бы выдернуть его из этого состояния. С трудом, преодолевая его сопротивление, но мог бы. Но опять же — грубым вмешательством можно разрушить его разум, и Марка не будет ни в физическом мире, ни в этом, им созданном.

Думай, Иван Варфоломеевич, думай.

Марк сейчас — уже электрон, вращающийся вокруг ядра атома. Как планеты вокруг Солнца. Учитель не знает, что там дальше, и никто наверняка не знает. Марку вот-вот предстоит узнать.

Бог мой, да ведь это выход!

Учитель осторожно прикасается к сознанию ученика: посмотри. Ты потрясающе мал и вращаешься вокруг ядра. А в твоем теле происходят процессы формирования стихийного масштаба. И — посмотри — ты потрясающе велик. Огромен. Огромен и в то же время мал. Мал и в то же время огромен. Это одно и то же, мальчик мой. Ну! Посмотри!

На теле Марка бушуют ураганы, зарождаются ветры, несутся из глубины планеты к поверхности плотные слои облаков. Ближе к Солнцу — четыре меньших соседа. Вероятно, населять их разумными существами теперь покажется Марку скучным, сложнее и интереснее сделать мыслящими существами их самих. Это невообразимо, но у мальчика огромный потенциал — если не зарвется, то сможет когда-нибудь и такое.

Иван Варфоломеевич знает, что Марк не хочет выходить отсюда, но они здесь уже несколько часов — их настоящим телам требуется подпитка. Он дает Марку знать, что выходит, и приглашает вернуться с ним.

Иван Варфоломеевич открывает глаза и отключает кабель. Голова болит, как всегда после погружения в чужие вселенные — атавизм какой-то, ей-богу! Напротив него открывает глаза Марк.

— Я… я теперь знаю такое… — говорит он.

Он явно хочет выразить все пережитое, но жалкого человеческого языка не хватает, и ему приходится замолчать.

Иван Варфоломеевич идет к шкафчику, открывает дверцу и достает оттуда две рюмки и бутылку «Баккарди».

— Узнаешь и больше, Марк. А может, когда-нибудь сможешь сделать по-своему.

— Думаю, да, — тянет Марк.

— Если не сойдешь с ума.

Марк рассеянно кивает, вертя в руках рюмку. Мальчик может многое. И учить других сможет, если захочет. И перекроить внутри себя строение атома. Что ж, остается надеяться, что он придет к выводу, что учитель ему все-таки нужен.

4. Бессознание

Представьте себе бескрайние луга, поросшие низкой зеленой травой. Представьте яркие цветы: розы, левкои, пионы. Представьте глубокие ручейки с чистейшей водой и крупных морских устриц с громадными жемчужинами внутри. О, вы наверняка скажете: устрицы в ручьях не живут! Ну и что?

Здесь всегда тепло и солнечно — Анечка ненавидит темноту и холод. Яркие маленькие птички поют как соловьи, редкие деревья дарят тень и прохладу. Иногда — если Анечке хочется — на ее луга приходят пастись единороги. А еще здесь постоянно обитает ее кот Пуша — гроза окрестных мышей. Но он никогда не убивает мышек, нет, что вы! Он только играет с ними, а потом всегда отпускает на волю, потому что Анечка ненавидит насилие…

Анечке уже за тридцать. Она приходит сюда, в свое маленькое сказочное королевство, каждый вечер и остается здесь до утра, пока установленный заранее таймер не напомнит ей, что пора назад. Анечка любит купаться в ручье, доставать жемчужины из устриц и низать из них ожерелья, которые потом дарит единорогам. Любит гладить сапфирно-синюю шерстку Пуши и смотреть на его улыбку, как у знаменитого на весь мир Чеширского Кота. Кстати, иногда Пуша тоже разговаривает. Если Анечка захочет, конечно.

В воздухе открывается дверь, и Анечка входит в свое королевство.

Она садится у ручья и смотрится в прозрачную воду, как в зеркало. Она — среди гармонии и тишины наконец-то. И можно на несколько часов забыть, что шеф на работе орет на нее (у, скотина проклятая!), что все друзья поразъехались кто куда, что жизнь вообще-то ни к черту. Что каждый день — как бесконечно повторяющаяся пытка, всегда одно и то же и что-то без конца давит, давит… И что вовне ей плохо и никто ее там не понимает. Здесь-то ведь хорошо…

Анечка улыбается. Она сегодня долго плакала, когда пришла вовне в съемную однокомнатную квартирку, где сейчас живет. Что произошло? А ничего. Просто устала. Просто страшно. Просто больно по непонятной причине. Просто люди грубы, глупы, невыносимы… Она приняла одну за одной пять таблеток успокоительного, выпила три чашки кофе и выкурила полпачки сигарет. Зачем, спрашивается? Надо было сразу пойти сюда, а не метаться по квартире.

Сейчас все хорошо, потому что Анечка дома. Прямо к ней

движется ярко-синее пятно — Пуша понял, что хозяйка здесь, и бежит встречать. Из светлого леса в отдалении выходят ее единороги, потому что Анечке не хочется сегодня быть одной. На горизонте — эка невидаль! — собираются грозовые тучи. Это все потому, что она сюда пришла в плохом настроении. Анечка двигает рукой — ей всегда нравились красивые жесты, — и тучи расходятся.

Глубокий вдох. Выдох. Анечка хочет, чтобы день этот никогда не кончался. Она гладит прибежавшего Пушу, который внимательно, как и положено котам, смотрит на плавающую в ручье форель. Раньше рыбы там не было, но ведь перемены всегда к лучшему, верно?

Какая-то сила тянет Анечку назад. Что-то хочет вернуть ее в бесконечно повторяющийся кошмар. Но Анечка не пойдет, она твердо решила не идти, и всей волей своей вцепляется она в эту траву вокруг, в шерстку Пуши, в высокое голубое небо. И сила отступает. Анечка облегченно вздыхает и улыбается. Боли больше не будет.

Проходят годы. Анечка все так же сидит у ручья и гладит своего кота. Или собирает цветы на лугу. Или ездит верхом на единороге. Ее тело вовне давно перевезли из съемной однушки в большой дом, где много таких, как она. Три раза в день врачи впрыскивают ей в кровь питательный раствор. Кабель из разъема на затылке, разумеется, вытащили — он ей больше не нужен.

5. Врач

— Вот вы говорите мне, что несчастливы и что-то вам в жизни мешает. А что мешает, не пробовали понять?

— Пробовал, конечно. Если бы я мог понять все сам, я бы к вам не пришел.

Мужчина на кушетке раздраженно пожимает плечами. Случай с точки зрения практики вполне заурядный, хотя сам пациент, несомненно, так не считает. Он озлоблен из-за того, что решил сюда обратиться, и сейчас нервничает, не понимая, когда же закончатся расспросы и начнется непосредственно лечение.

— Я понимаю, о чем вы говорите. Сейчас, пожалуйста, подключите кабель — справа от вас — и заходите внутрь. Не волнуйтесь, постараемся ничего не менять, но посмотреть стоит.

Пациент подключается. Егор Андреевич Щеглов, бухгалтер. Неплохой бухгалтер, судя по всему. Не женат, детей нет. Отец погиб, когда ему было четыре, — немаловажный факт. После школы пробовал поступить в театральное училище, но экзамен провалил и поступил в экономический институт на специальность «Финансы и кредит». Диплом без троек, после окончания института сразу устроился на работу в крупную телекоммуникационную компанию на должность бухгалтера, впоследствии повышен до главбуха. Там по сей день и работает. Вроде бы успешная судьба, впору даже позавидовать, а он — несчастлив.

Врач тоже подключает кабель и аккуратно заходит в сознание пациента, так, чтобы тот не заметил чужого присутствия. Созданный Егором мир похож на многие другие, с вполне привычной флорой и фауной. Егор сейчас бродит по улицам городка в стиле Европы восемнадцатого столетия и здоровается с жителями, которые явно его узнают и рады встрече. Хм-м, а вот это уже интересно. Вместо того чтобы владеть своим миром безраздельно, Егор подарил его расе невысоких тонких существ — внешне неотличимых от вполне человеческих подростков лет шестнадцати, старше нет никого. Это может означать сразу две вещи: вероятнее всего, пациент боится быть один и боится старости, а может, просто не любит маленьких детей.

Что ж, посмотрим.

Егор идет по улице. Вокруг — его создания: торговец рыбой ссорится с покупателем, доказывая, что его товар свежий, девушка несет яблоки в корзине. Вот идет навстречу мэр города под руку с супругой, мимо них пробегает стайка чумазых детишек.

Стоп. Каких еще детишек? Откуда?

Егор в недоумении — никаких детей здесь быть не должно. Дети сворачивают за угол и исчезают, прежде чем он успевает что-либо предпринять. Он бежит за ними, сворачивает на ту же улицу — никого. То есть вообще никого: нет не только детей, но и обыкновенных жителей города. Егор оборачивается — рыночная площадь пуста.

Становится жутко. Так, тихо. Этот мир его, и он здесь хозяин. Все сейчас вернутся, он просто отвлекся, наверное, подумал не о том.

Скрип-скрип — разносится звук в безветренном воздухе. Какое-то движение на краю площади. Егор спешит туда. На церковном крыльце спиной к нему в кресле-качалке сидит рыжеволосая женщина. Что-то в ней такое знакомое, понять бы что… Она оборачивается.

— Мама, — выдыхает Егор.

Мама встает с кресла. Она не делает попытки обнять его, не делает ни шагу навстречу. Она в точности такая, какой он ее запомнил, — с острыми как льдинки голубыми глазами и легкой полуулыбкой, бледная, и яркий цвет волос только подчеркивает бледность; ей сорок пять лет, и она неизлечимо больна.

— Мама, — повторяет Егор. — Ты как здесь оказалась?

Он понимает, как это глупо, но не знает, что еще сказать. Не может двинуться навстречу, не может сглотнуть ком в горле.

— Проведать тебя пришла. Ты как живешь? Женился, на работу устроился?

Она говорит так, как будто они не виделись всего неделю. Она умерла пять лет назад.

— Нет, мам, не женился. А работа есть, хорошая, по специальности.

Все это — мама на церковном крыльце, он, стоящий столбом, — нереально, как в типичных голливудских кинофильмах, и отдает фальшью. Но мама здесь, и разговор надо закончить.

— Зря, Егор. Что же ты, женщину подходящую встретить не смог?

— Была одна, но как-то не сложилось.

— Не сложилось! Ты совсем не меняешься, все время у тебя что-то не складывается. Пора бы повзрослеть.

Она так говорила всегда: пора то, пора сё. Он всегда злился на нее за вечные придирки. Разозлился и сейчас.

— Мама, я в состоянии разобраться сам!

— Не сомневаюсь — можешь, конечно. Только вот до сих пор почему-то не разобрался! Ни с жизнью со своей, ни с головой! —

Мама неопределенно взмахивает рукой.

— А что не так с моей жизнью? Что ты вообще знаешь о моей жизни?

— Все я знаю. Я твоя мама как-никак.

Такая типичная для них ссора и такая ненужная и нелепая, особенно здесь. Господи, да он ведь не видел ее пять лет!

— Я скучаю по тебе, мам. Ты не переживай — все у меня наладится: и жена будет, и деньги, всё.

И мама как-то сразу остывает, улыбается — он так редко видел это в последние годы ее жизни — и кивает.

— Ты не скучай, Егор. Ты живи, как живется, и будь счастлив. Ну, пора мне.

Она поворачивается и исчезает за дверью церкви. Егор точно знает, что идти за ней не надо. Она всегда желала ему только добра — и когда придиралась, и когда ругала, и когда уговаривала пойти на экономический… Только понимала добро по-своему.

Он ловит себя на том, что плачет. Вытирает рукавом слезы и оглядывается — площадь по-прежнему пуста.

Ему хочется, чтобы рыночная площадь снова заполнилась людьми, хочется бродить среди них и смотреть на их будничные заботы. Одиночество сейчас особенно невыносимо. Но никого нет. Он садится на ступени и прячет лицо в колени.

— Ты чего, Егор?

Егор вскакивает и ошалело смотрит на Машку. Матушка посодействовала, не иначе.

— Ты что так смотришь?

— Не ожидал тебя здесь увидеть.

— А ревешь чего?

— Да так…

Егор стыдится своих слез, а больше всего — того, что Машка их увидела. Она не выносит плачущих мужчин.

— Боже мой… Ты не меняешься! — Машка картинно закатывает глаза.

— Ты уже второй человек сегодня, который мне это говорит, — огрызается Егор.

— А первый кто был?

— Не важно.

— Как это не важно? Очень даже важно. Ты, как всегда, ничего мне не рассказываешь!

Машка на улице его города еще более нелепа, чем мама. Кощунственное сравнение. Егор молчит, не зная, что сказать. Хочется оправдываться, только за что?

— Мэри, не могу сказать.

— Осёл ты, Егор. Обними меня хотя бы уже!

Егор обнимает ее, зарывается лицом в ее волосы, все еще осознавая нелепость ситуации. Машка отстраняется на мгновение, окидывает его взглядом, а потом целует. Во время поцелуя Егор закрывает глаза, а когда открывает — видит, что площадь и церковь исчезли, а они с Машкой, обнявшись, стоят на набережной, где раньше часто гуляли вместе. От реки дует прохладный ветерок, на небо наползают низкие темные тучи — скоро может пойти дождь.

— Я замерзла, — говорит Машка и отстраняется. — Проводи меня домой.

Она поворачивается на каблуках и идет прочь. Егор спешит за ней. Она говорит — слова повисают в воздухе и падают на асфальт как дождевые капли:

— Ты же знаешь, что все не так. Все должно быть по-другому, понимаешь? Да, ты очень хороший человек, мне интересно с тобой, но это не то. Не то, ты понимаешь меня, Егор?

— Понимаю, Мэри, — послушно отвечает Егор. Это всё уже было.

— Теперь ты мне еще и врешь. Что ты понял?

— Понял, что тебе не нравятся наши отношения. Я прав? А ты хоть раз сама-то пробовала понять, что именно тебе не нравится?

— Пробовала!

— И как, поняла?

— Поняла!

— И что ты поняла?

— Не важно.

— Очень важно, Мэри. А поняла ты, что хочешь жить в воздушном замке, и чтобы для тебя кто-то этот замок построил. Ты хочешь, чтобы все сделал и исправил я, а сама можешь только обвинять. Но так не бывает, Мэри.

Машка резко оборачивается, ее рука бьет по лицу наотмашь, как плеть. Егор улыбается, жутко, криво. Он отвратителен себе, но остановиться не может.

— Что, полегчало? Можешь еще раз ударить, давай!

Машка бежит прочь. Она плачет. Начался дождь.

Егор догоняет ее, обнимает, прижимает к себе. Она отталкивает его, сначала злобно, потом слабо — сил не хватает — и плачет. Егор на мгновение закрывает глаза.

Когда открывает, они с Машкой сидят за барной стойкой, ее голова на его плече. Бармен приносит пиво. Маша грызет фисташки и рассказывает ему что-то, на ее взгляд, забавное:

— А я ему говорю — нет, не правильно. Он мне: почему? А потом открывается дверь, и Настя со всеми этими тарелками

заходит. И дверью ему по спине, он аж отлетел! У него был такой ошарашенный вид! А нечего перед дверью стоять.

Егор слушает и не слышит. В баре накурено и людно, но при этом ему уютно здесь с ней. Он не понимает, в чем суть рассказа и где должно быть смешно, но послушно смеется. Отхлебывает пива. И неожиданно для себя говорит:

— Переезжай ко мне, Мэри.

Машка сразу тускнеет. Хмурится, смотрит в бокал.

— Нет.

— Почему? Мы могли бы всегда быть вместе.

— Нет, Егор. Я не хочу.

И это тоже уже было.

— Ты только представь, как будет хорошо, Мэри. Ты бы встречала меня с работы, супы бы мне варила. Я бы, как солидный человек, приходил к любимой. Потом мы поженимся и заведем детей. Ну разве не здорово?

— Нет, Егор. Не здорово. Тебе не жена нужна, а нянька и домработница.

Егор злится. Она, как всегда, не поняла.

— Не нужна мне никакая нянька. Мне ты нужна.

— Ага. В качестве няньки. Нет, Егор.

— Но Мэри…

— Еще раз говорю: нет.

— Я тебе только что, между прочим, руку и сердце предложил.

— О да, Егор. Я всегда мечтала, чтобы мне предложили выйти замуж именно так: в баре, за кружечкой пива, и таким тоном, как будто мы выбираем, какой фильм посмотреть вечером. Спасибо за предложение. Мой ответ — нет.

Егор раздражен, но не хочет портить вечер окончательно. Поэтому он говорит:

— Ты все-таки подумай, — и целует Машу.

Они сидят на диване в маленькой комнате, очень похожей на ту, где он когда-то жил. Губы и глаза Машки так близко, что заполняют собой все окружающее пространство, и к нему прижимается ее тело, теплое и мягкое тело желанной женщины.

— Егор, я не могу.

Машка резко отстраняется, садится. Берет со столика сигарету, закуривает. Егор вздыхает несколько раз, успокаивается.

— Я не могу. Мне страшно. Только не говори, что все понимаешь, что я просто должна довериться тебе и все будет хорошо. Не говори, ладно?

Егор молчит. Машка докуривает, тушит сигарету в

пепельнице. Привычка курить всегда его раздражала, но он ни слова не говорил, оправдывая себя тем, что ценит ее индивидуальность. На самом деле он просто боялся возразить.

— Ты зря куришь, Мэри.

— Егор, это не твое дело. Знаешь, мне лучше уйти.

— Хорошо, Мэри. Как хочешь.

— И это все? И ты меня просто так отпустишь?

— А я могу тебе помешать?

— Нет, — она качает головой. — Нет.

Она встает и уходит. Это все уже было с ними, было много раз, он только про курение ничего не говорил. Она так же вставала и уходила. А однажды, уходя, сказала, что любит его, но больше так не может. Как именно не может, Егор так и не понял.

Сейчас он не чувствует даже сожаления. Только пустоту. Это все фикция, пародия на голливудскую мелодраму. Когда он выйдет из комнаты, за окном будет его средневековый городок.

— Прости меня, Мэри, — шепчет Егор. — Я тебя так и не понял. Просто мы не те люди.

Он встает и выходит за дверь. Переулок заполнен людьми — мимо проходит продавец сладостей, с улыбкой протягивает ему конфету. Егор берет, кивает в ответ. И открывает глаза на кушетке в кабинете врача.

— Ну-с, как вы себя чувствуете?

— Все в порядке, доктор. Увидели во мне, что хотели?

— Вполне. А вы — увидели?

Егор внимательно смотрит на доктора и ничего не отвечает.

— На сегодня наша с вами беседа окончена, жду вас в пятницу.

— Я приду, доктор. До свидания.

Егор берет пальто и выходит за дверь. На улице дождь. Мама и Мэри, Мэри и мама. Две самые любимые женщины, которых он так и не понял и потерял. Мама, пусть земля ей будет пухом. Егор вздыхает. Останавливает такси и едет домой.

Дома он включает скайп и вызывает Машку. К его удивлению, она отвечает. Изображения нет, только голос:

— Тебе чего?

— Я просто хотел сказать спасибо.

— За что спасибо? Послушай, ты что, издеваешься? Ты совсем с ума сошел?

Егор хочет огрызнуться в ответ, но вместо этого говорит:

— Просто хотел голос твой услышать.

— Услышал. Рад?

— Да, рад.

Связь разорвана.

Наверное, с Машкиной точки зрения, этот вызов — полнейшее издевательство. Они снова не поняли друг друга.

— Ладно, Мэри, — говорит Егор. — Живи своим умом. Я тебя простил.

Появляется искушение переслать Маше номер «нашего доброго доктора», но его Егор стоически подавляет. Он хихикает раз, другой, а потом начинает смеяться.

* * *

— Ну-с, как вы?

— Все в порядке, доктор.

— Устраивайтесь тогда поудобнее, подключайте кабель, начнем не откладывая.

Егор уходит внутрь. Доктор ждет с минуту и следует за ним.

Егор опять на рыночной площади. Собственно, в его маленьком городке она еще и центральная. Внезапно он видит, как люд бросает свои повседневные дела и двигается в направлении Восточной улицы. Егор недоуменно идет за всеми — что может происходить здесь без его вмешательства? Хотя в прошлый раз же произошло.

На краю площади сооружена сцена. На сцене — конферансье:

— Почтеннейшая публика! Сегодня, только для вас, театр бродячих комедиантов покажет вам пантомиму «Пеликанья любовь»! И только сегодня один из вас может сыграть главную роль! Есть желающие?

Желающих много. Однако конферансье указывает на Егора:

— Вот, вы! Да, вы! Поднимайтесь на сцену, будете главным пеликаном!

Толпа хохочет. Егор, чувствуя себя глупее некуда, послушно поднимается и встает рядом с конферансье. Тот надевает ему на голову кепку с длинным козырьком, украшенную голубиными перьями и увядшими одуванчиками, на шею вешает красную холщовую суму. Весь реквизит призван, должно быть, изображать пеликаний клюв.

— Ваша задача, мсье, — импровизировать, — объясняет он Егору. — Итак, посмотрим, сможет ли наш влюбленный пеликан завоевать расположение своей избранницы! — это уже публике.

На сцену выходит юноша в льняной юбке и переднике, с такой же, как у Егора, сумой на шее. Он кокетливо смотрит на Егора, картинно закатывает глаза, кружится по сцене, взмахивая руками: делает все возможное, чтобы как можно точнее изобразить юную очаровательную пеликаниху. Народ хохочет, на

сцену начинают падать мелкие монеты. Пеликаниха грациозно собирает их и складывает в «клюв». Егор стоит столбом посреди сцены.

Пеликаниха начинает кружить вокруг него, выдергивает из головы перо, кладет на ладонь и дует в направлении Егора. Вероятно, это пеликаний воздушный поцелуй. Егор неуклюже ловит перо, улыбается, совершенно не представляя, что делать, и машет пером в ответ. Пеликаниха протанцовывает за его спиной и выдергивает пучок перьев уже из его кепки. Взмахивает руками-крыльями, и перья разлетаются во все стороны. Она раздраженно крякает в сторону Егора (хотя вроде бы не утка; по-видимому, молодой актер знает о пеликанах далеко не все), разворачивается и, переваливаясь, подходит к краю сцены, заламывая крылья и всячески показывая, что, если Егор немедленно что-нибудь не предпримет, она бросится вниз, подобно лебедю, и неизбежно погибнет. Народ начинает свистеть.

Злость нападает на Егора: да что я им, клоун?

А хоть бы и клоун!

Егор поворачивается к предполагаемой невесте, вытягивает руки и бежит к ней через сцену. Как только он оказывается вплотную к своей милой, та закрывает глаза, прикладывает крыло к сердцу и падает Егору на руки. Он еле успевает подхватить — тяжелая же, черт! В его суме вроде бы что-то есть — он засовывает туда одну руку и, на радость публике, выхватывает копченую рыбину. Народ в восторге, на сцену летят уже цветы. Егор (стремясь расквитаться с актером за все свои творческие мучения) тычет рыбиной своей суженой в лицо и, когда та пытается возмутиться (видимо, крякнуть), ловко вставляет рыбину ей в рот. Невеста таращит глаза, выдергивает рыбу изо рта и, улыбаясь уже как-то кривовато, кладет в свой мешок. Егор берет ее под крыло, и чета пеликанов величественно удаляется со сцены.

Аплодисменты. Если так можно выразиться, занавес.

— Спасибо за цветы, дорогой, — пищит актер, снимая кепку и юбку. Видимо, за шутку с рыбой зла не держит.

— Рад стараться, милая, — в тон ему отвечает Егор.

На сцене конферансье объявляет следующую пантомиму.

Егор уходит от актеров и бесцельно бредет по улицам городка. Он пробовал в юности поступить на факультет актерского мастерства. Не получилось. Только что ему была дана возможность попробовать себя в этом качестве. Ощущения потрясающие, слов нет. Но хочет ли он испытывать их снова и снова? Вряд ли.

— Хитрый человек мой доктор, — бормочет Егор. — Бросил

на весы эмоциональный всплеск, с одной стороны, и привычную стабильность — с другой. Я раскусил вас, доктор. Я знаю, что вы пытаетесь мне показать.

— Это прекрасно, — говорит доктор, махая ему рукой с соседнего крыльца. Егор поднимается по ступенькам. — Вы не курите. А вот я закурю, не возражаете?

Не дожидаясь ответа, доктор достает пачку дорогих сигарет и закуривает. Дым тяжелый, ароматный и вязкий. Егор морщится.

— Очень умно с вашей стороны, доктор, столкнуть меня лицом к лицу с моими нереализованными мечтами. Да только я вам не за это деньги плачу. Вы должны мне помочь избавиться от комплексов, а не подвергать меня стрессу.

— Вот как? У вас, значит, все еще осталась обида на мать? Или на Машу вашу вы злитесь и ненавидите? Признайтесь, Егор, вы же ей после прошлого сеанса наверняка позвонили и довели ссору до конца.

— Позвонил, — помолчав, отвечает Егор.

— А актером все еще хотите быть?

— Ну, не особенно.

— Так зачем же вы спорите тогда?

— Привычка…

— Это прекрасная привычка, Егор, уверяю вас. И вы можете, немного подумав, употребить ее во благо для себя. Давайте выходить, на сегодня сеанс закончен. До следующей нашей встречи у вас есть время многое переосмыслить.

Доктор выдыхает облачко дыма Егору в лицо. Мир растворяется и меркнет.

* * *

Ну-с, на следующий сеанс Егор не пришел. То ли не верил больше доктору, то ли посчитал, что больше ему помощь не требуется.

Он ушел из своей компании с должности бухгалтера. Въедливость свою и привычку спорить он, надо сказать, начал использовать с умом — основал Внутри площадку, куда непрофессионалы могли приходить со своими сценариями и их ставить. Как ни странно, проект обрел большую популярность, получил почетное звание «Лучший социальный проект» и приносит Егору неплохой доход.

Егор также оказывает поддержку детскому театру мюзикла (вовне) и недавно баллотировался в депутаты городской думы. Выборы, правда, проиграл.

Что касается личной жизни, то женщину своей мечты он пока не встретил. Но, кажется, всем доволен.

6. Двое

Однажды Вика попробовала сделать мир. И у нее получилось — практически с первого раза, без долгих тренировок и помощи опытного наставника.

Вика могла бродить по нему часами, исследуя собственное творение, додумывая новые виды хвойных деревьев и рептилий, пуская в нужных местах мутные реки. Иногда объекты возникают сами собой и получаются, как правило, наиболее совершенными: работа подсознания.

Она творит уже несколько месяцев. Но рано или поздно нужно остановиться. Мир можно шлифовать до бесконечности, пытаясь сделать его абсолютным, но так никогда и не получить желаемого.

И Вика останавливается. Останавливается опустошенной, неудовлетворенной, злой. Этот мир — почти то, чего она хотела. То, да не то. Мир, созданный внутри нее, красив и оригинален, да. И как будто построен ребенком из кубиков «Лего» — детское, дилетантское совершенство пластика и стандартов.

Вика уходит, чтобы больше не возвращаться.

Чтобы заполнить возникшую в ней пустоту — лучше бы никогда не подключалась! — она бродит по чужим мирам. Шаг — тропические пальмы, прозрачное розовое небо и далекое звучание гитары. Еще шаг — бескрайние пески и цепочка вьючных животных, идущих через барханы, шорох песка. Еще шаг — могучие кривые кедры, размокшая трава под ногами, шум дождя. Всё не то.

Вика сама не понимает, чего хочет. Ищет.

День за днем она перебирает миры. Сначала открытые для всех и всегда. Потом правдами и неправдами учится находить двери в закрытые, личные мирки — туда не попасть без ведома и желания хозяина, и Вика получает эти приглашения. Амазонские джунгли, тайга, мультяшные заросли. Не то.

Она сидит на траве в одном из бесчисленных лесов. Она уже была здесь раньше и в этот раз пришла по чистой случайности. Она сидит и чертит палочкой на земле уложенные набок восьмерки. Восьмерки трансформируются в буквы английского алфавита: *Hello, Vica.*

Вика от неожиданности вскакивает и ошалело смотрит на буквы. Потом успокаивается — мир общественный, не личный, возможно, с ней кто-то хочет пообщаться.

Новая надпись: *Come to me. Door is behind.*

Вика оборачивается — действительно, в толстом стволе

дерева дверь. Вика тянет за ручку, открывает и входит.

Вокруг нее — рощи гингковых деревьев, папоротников, кипарисов. Земля содрогается — на расстоянии сотни метров от нее прокладывает себе дорогу сквозь чащу бронтозавр. Лес полон звуков — писков, шелестов, ревов — и запахов влажной растительности. Лес живет своей жизнью — не редкость, но это место особенное. Вика понимает сразу — мир-лес похож на ее собственный.

— Open the door, — раздается голос за спиной.

Молодой человек, чем-то похожий на саму Вику.

— My name is Jack. Nice to meet you.

— Я Вика, очень приятно. Какую дверь?

— To you.

— Ладно.

Почему-то Вика не спорит. Сразу понимает зачем. И открывает — это оказывается на удивление легко. Джек шагает в проем и расширяет его, убирает тонкие незримые стены, которые рвутся, как бумажная пленка. И сознания врываются друг в друга. Изменяют свой путь реки, прокладывая новые русла, сливаются леса Викиных саговников и Джековых гингко. Одно и то же. Теперь все в порядке. Всё наконец так, как надо.

Вика и Джек стоят, держась за руки, и смотрят на серые, зеленые, коричневые пятна собственного Я. Вика знает теперь, что в шесть лет болела корью. То есть, не Вика, конечно, а Джек. Что в шестнадцать лет увлекалась тяжелым роком и ей нравились невысокие брюнетки. Что однажды они с друзьями ограбили пивной магазин, утащив целую бочку пива. Вика улыбается. Она не пьет. Хорошо хоть, она (Джек) никого не убила.

Джек улыбается в ответ. Он теперь наверняка удивит знакомых отличным знанием классической литературы и игрой на арфе.

В небе парят птеродактили. Говорить не нужно — они знают всё.

Они расцепляют руки, кивают друг другу и выходят изнутри вовне. До следующей встречи.

7. Смерть

Умирать всегда страшно.

Вообще-то Чарли никогда не боялся смерти — она в его видении мира просто не существовала. Он был, что называется, сорвиголова — экстремальный туризм, альпинизм. Позже — парашютный спорт. И ни одной травмы.

Жизнь только одна — говорил Чарли и в очередной раз бросался в небо. Потом, уже на земле, жадно пил тепловатое красное вино прямо из бутылки и смеялся.

Смеялся до двадцати двух лет, пока врачи не обнаружили у него лейкемию.

Сначала Чарли не верил. Требовал провести еще одно обследование. Ругался, называя онкологов дилетантами. Потом, после ряда анализов, каждый из которых на сложном языке биохимии выносил ему смертный приговор, сдался и поверил. Ему было настоятельно рекомендовано остаться в больнице под наблюдением специалистов. Разумеется, ему предложили дорогую операцию по пересадке костного мозга.

Сам Чарли при этом никакого ухудшения не чувствовал. Его тело было таким же сильным, как и всегда, оно хотело жить, летать и петь, и в то же время в нем уже шли какие-то непонятные сверхсложные процессы, которые сначала сделают его развалиной, а потом убьют. Операция не гарантирует полного выздоровления. И даже в случае выздоровления все то, ради чего стоит жить, будет для него закрыто — небо, горы, всё! И тогда Чарли решил: да какого хрена?

И вернулся к прежней жизни.

Сначала все было в порядке и ничто не омрачало дни. Чарли давно хотел посетить Ладакх и увидеть озеро Цо-Морири и посетил. Катался на экстремальном горнолыжном курорте в Кашмире. Жил. Потом стал замечать, что на теле гораздо чаще появляются синяки и долго не проходят. Он стал терять в весе, совершенно не хотел есть — еда казалась безвкусной. Он быстро уставал, у него ломило кости и болела голова. Он был вынужден снова обратиться к врачам.

Врачи теперь не могли ничего гарантировать, но обещали сделать все возможное. Так Чарли снова оказался в больнице. Он стал раздражительным и нервным. Он не хотел умирать.

Одна из медсестер, ровесница Чарли, чтобы хоть как-то помочь, рассказала ему о приводе. Она показала ему разъем на затылке под волосами и сказала, что любому человеку в любом состоянии, болен он или здоров, можно сделать такой же.

И Чарли сделал.

Его семья была богатой, и он мог позволить себе роскошь отдельной палаты. Теперь, за неимением лучшего, он погрузился внутрь. Он создавал крутейшие горные склоны и спускался на горных лыжах. Он смог погрузиться на дно глубочайшей из впадин, и его тело не чувствовало давления. Он восходил на высочайшие горы без кислородной маски, и ему хватало воздуха. Все было как по-настоящему.

Чарли настоял, чтобы во время операции он был подключен. Онколог, который должен был его оперировать, сначала отказался наотрез: ничего такого он раньше не делал. Неизвестно, как это отразится на операции. Нет.

— Позвольте мне умереть счастливым, доктор, — сказал ему Чарли. Его голос дрогнул.

— Что ты мелешь, парень? Ты не умрешь, ты поправишься, мы тебя вытащим.

— Не вытащите, доктор. Пожалуйста, разрешите — это же лучше всякой анестезии.

После долгих уговоров, подкрепленных шестизначной суммой, врач согласился. Но анестезию отменять при этом не стал.

Чарли понимал, что операция не поможет. Он превратился в параноика. Он читал о людях, которые сошли с ума в состоянии подключения, о людях, чья личность навеки затерялась внутри. Тело при этом продолжало жить.

Если личность не нуждается в еще живом теле и может остаться внутри себя навсегда, то на кой ему мертвое? Это был шанс. Призрачный, крохотный, но все-таки шанс. Правда, он будет навеки обречен на одиночество, так как его физическое тело умрет и, как следствие, пропадет возможность контакта с другими личностями, но это его не пугало. Чарли привык решать проблемы по мере их поступления.

В день операции он был подключен.

Он оказался внутри, в том уголке мира, где создал себе дом — на ровной площадке среди гор, с маленьким, кристально чистым озером внизу. Он сел на край, свесив ноги в пропасть, и стал ждать. Он не мог видеть или чувствовать, но знал, что вовне врачи сейчас кромсают его тело. Он боялся и гадал, на что это будет похоже — умереть. Впервые в жизни он не хотел ничего делать и просто ждал.

* * *

Прошло несколько часов, и солнце скрылось за горами. Чарли сидел и смотрел на созданные им звезды. Независимо от исхода, настоящих он больше не увидит. Он стал вспоминать знакомые созвездия и зажигать новые звезды на небосклоне. Большая Медведица следовала за Южным Крестом, за ними гордо вздымал свои рога Овен, грозил кому-то луком Стрелец. Так прошла ночь.

Чарли по-прежнему был жив. Он не мог точно знать, закончилась ли операция. Но таймер… Врачи должны были включить его, если операция пройдет успешно. Сигнал отсутствовал. Чарли поднялся на ноги и заорал, глядя на восходящее солнце:

— Я живой!!! Слышите, вы все? Я живой, вашу мать! Живой!!!

Вовне усталый врач утирал пот со лба, а молоденькая медсестра закрывала простыней лицо Чарли.